

ЧАСТЬ 2 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

УДК 316.6

Т.В. Евгеньева

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПРОЦЕССЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАН РОССИИ (ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)¹

Представлены результаты политико-психологического исследования, посвященного анализу исторических образов и символов как одному из элементов политической социализации в современной России.

Ключевые слова: политическая социализация, историческая память, национально-государственная идентичность, кризис идентичности, политические образы, политические символы.

В период с конца 90-х и в течение 2000-х годов на кафедре социологии и психологии политики МГУ им. М.В. Ломоносова проводились исследования, посвященные политико-психологическим аспектам процесса политической социализации граждан России, в частности, места в этом процессе национально-государственной идентичности. Результаты этих исследований были использованы при подготовке данной статьи. Основное содержание основано на анализе данных, полученных в 16 регионах России в 2011–2012 гг. Для понимания динамики происходящих процессов использовались также данные более ранних исследований.

В основание исследования места исторической памяти в процессе политической социализации в современном российском обществе может быть положена идея о социокультурном кризисе, ломающем сложившуюся в обществе структуру социальной идентификации одновременно с господствующей в нем системой традиционных ценностей и норм.

В психологической науке кризис идентичности понимается как результат постепенного разрушения представлений, лежащих в основе самоидентификации личности: представления о собственном целостном, устойчивом «Я» (утрата самоощущенности, начинающаяся нередко с исчезновения «признания» со стороны окружающих), представления о непрерывности своего существования во времени и пространстве ввиду исчезновения четких представлений о том и о другом (сужение пространства и времени), а также разрушение системы личностных смыслов (потеря смысла жизни). По мнению И. Следзевского, «в кризисных и катастрофических ситуациях исторический

---

¹ Статья подготовлена по материалам проекта «Политико-психологические механизмы формирования национально-государственной идентичности в современной России» по гранту РГНФ № 12-03-00307 на 2012–2013 гг.

принцип движения социального мира во времени (удаление от мифологического начала мира) сменяется эсхатологическим: сжатие в одну точку мифологического пространства сменяется его расширением в направлении мира социального, миры приобретают объемность и динамику, тогда как социальное пространство-время свертывается в черную дыру («распалась связь времен») [1. С. 20].

В качестве главной причины проявления российского социокультурного кризиса конца 80-х – начала 90-х годов именно в форме кризиса национально-государственной идентичности ряд авторов выделяет как начавшиеся в середине 80-х годов процессы «дегероизации истории России изнутри», так и «вызов национальных историй извне, разрушающие привычные представления и символы веры русских» [2. С. 297].

Среди работ этого периода, посвященных анализу проявления основных признаков кризиса идентичности в современной России, можно назвать работы Л. Ионина, И. Следзевского, В. Ядова, истории развития социально-психологических предпосылок кризиса было посвящено обобщающее исследование «Тенденции социокультурного развития России, 1969–1990-е гг.» (М., 1996), в котором подробно рассматривались настроения неудовлетворенности, предшествующие, как правило, разрушению самоидентификации значительной части членов общества. Авторы работы выделяли такие элементы формирующегося кризиса идентичности, как ломка жизненных стереотипов, маргинализация, ощущение отверженности, сопровождающееся психологическим дискомфортом. Анализу социально-психологического состояния общества в 1990–2000-е годы были посвящены многолетние исследования кафедры социологии и психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, представленные в двух коллективных монографиях [3].

Самоидентификация личности в советский период основывалась на сложившейся в течение длительного времени системе социокультурных и политических образов и символов, определяющих представления личности как об окружающей ее природной и социальной реальности, так и своем собственном месте в ней. «Образ мира» советского человека, будучи мифологическим по своей природе, тем не менее достаточно успешно стабилизировал его сознание и поведение¹.

Разрушение этого «образа мира», начатое в годы перестройки и особенно активно продолженное после 1991 г., привело к дестабилизации всей системы представлений значительной части общества. Ценности и нормы, определявшие процесс самоидентификации личности, неожиданно изменили свое значение, а общепринятые цели деятельности оказались лишены смысла. Разрушение самоидентификации личности в качестве «советского человека» при отсутствии адекватной компенсации и привели к нарушению процессов национально-государственной (гражданской) самоидентификации.

Однако предпосылки социокультурного кризиса конца 80-х – начала 90-х годов начали складываться задолго до того, как Михаил Горбачев объя-

---

¹ Категория «образ мира» используется в значении, предложенном А.Н. Леонтьевым. По его мнению, образ мира – не зеркальное отражение в сознании человека и общества явлений и процессов действительности, а особая конструкция, формируемая такими институтами, как семья, школа или средства массовой коммуникации.

вил о начале реформ. В 70-е годы, особенно во второй половине, мы могли наблюдать неожиданный всплеск интереса в обществе к российской истории. Огромной популярностью пользуется художественная литература на исторические темы. Книги В. Пикуля издаются большими тиражами и перепродаются спекулянтами по значительно более высоким ценам. Это лишь одно из проявлений поисков массового сознания ответа на вопрос «Откуда мы?», являющийся одним из вариантов вопроса «Кто мы?». В ситуации конца 70-х – начала 80-х годов отражается закономерность кризисного сознания, наиболее отчетливо проявившаяся в конце 80-х: в условиях кризиса привычного образа мира общество начинает поиски новой идентичности, анализируя собственную историю.

Конец 80-х – 90-е годы можно с полным основанием назвать периодом активных поисков новой идентичности.

Одно из направлений, по которому происходит процесс поиска новой идентичности, представляет собой обращение к неким «высшим» ценностям, воспринимаемым чаще всего в упрощенной, стереотипизированной форме, придающим внешнюю осмысленность ежедневному существованию. Ценности эти могут быть найдены в «героическом» прошлом отдельной личности, группы или народа. В ситуации непонятого настоящего и неопределенного будущего ответ на вопрос «Откуда мы?» становится единственным основанием для ответа на вопрос «Кто мы?». Отношение к прошлому становится, таким образом, единственной доступной массовому сознанию формой самоидентификации.

Обостренный интерес к прошлому, попытки с его помощью не только понять настоящее, но и смоделировать будущее, свойственны каждой культуре в условиях кризисного развития. Предчувствие катастрофы порождает желание перенестись в иное, мифологическое время, неосознанно отождествляемое с Золотым веком. Соединяясь с образами пространства, стереотипизированный образ прошлого формирует впоследствии новый образ мира, объясняющий массовому сознанию суть происходящих процессов.

Временные представления массового сознания в кризисный период характеризуются разделением на сакральное мифологизированное время, располагающееся в прошлом и периодически воссоздающееся посредством ритуала, и профанное время, начинающееся и заканчивающееся настоящим днем. История подразделяется на два неравноценных периода: предыстория, мифологическое время, отдельные элементы которого служат для объяснения происходящего в настоящем, и собственно история, начинающаяся, как правило, здесь и сейчас. А историческое развитие воспринимается не как движение в будущее, а как развитие в направлении к прошлому, к тому мистическому периоду, где заложены основы, корни настоящего.

М. Элиаде, в работе «Космос и история» подробно исследовавший модели пространства и времени, характерные для мифологического сознания, утверждает, что «через все поколения проходит красной нитью сопротивление конкретному историческому времени и стремление периодически возвращаться к мифологическому Первоначалу, к “Великому времени”» [4. С. 127].

В мифологическом восприятии героическое прошлое продолжает жить в настоящем, постоянно находится как бы внутри него. Оно предстает гораздо

более живым и привлекательным, чем настоящее. Культурные герои прошлого продолжают определять настоящее, а события прошлого заново воспроизводятся в настоящем посредством специальных ритуалов. По мнению М. Элиаде, с помощью ритуала общность пытается как бы воссоздать сакральное мифологическое время.

Этим объясняется кажущееся необъяснимым на рациональном уровне чересчур эмоциональное отношение сознания к историческим событиям далекого прошлого, усиливающееся в условиях кризиса. Такое отношение можно было наблюдать, например, среди участников массовых митингов в Татарстане в начале 90-х годов, посвященных очередной годовщине взятия Казани войсками Ивана Грозного. Казалось, участники митингов воспринимали эту трагедию как происходящую здесь и сейчас. В мифологизированном прошлом и сегодня лежат основные мотивировки деятельности политических лидеров и партий национал-патриотической ориентации («Великая» Россия, Украина, Грузия и т.д.)

В условиях идентификационного кризиса история становится тем экзистенциальным пространством, в котором личность заново находит свою идентичность, смысл своего существования, основу для объединения с общностью. При этом в качестве основания для создания исторической мифологии могут быть избраны реальные исторические события, оказавшие как позитивное, так и негативное влияние на развитие общности. Американский исследователь в области этнической психологии В. Волкан определял их как «избранная общая травма» и «избранная общая слава» [5. С. 41–42].

При этом ближайшая история ассоциируется, как правило, с действиями сил зла, как бы извратившими изначально «правильное» направление развития, что и привело к кризису, а «настоящая» история переносится все дальше в прошлое. Так, в начале перестройки «настоящая» история ассоциировалась с ленинским периодом, а врагом был Сталин, позже «настоящая» история переместилась на дореволюционный период, а роль врагов играли уже большевики. С точки зрения противоположной мифологии «настоящая» история, наоборот, заканчивается со смертью Сталина, а главным врагом становится уже Горбачев. Сегодня для значительной части общества именно такой подход становится особенно популярным. Чем дальше в прошлое удаляется тот или иной исторический период, тем в большей степени действует механизм «избирательности памяти», в соответствии с которым сознание человека вытесняет негативные события и факты и в своих воспоминаниях опирается лишь на позитивные. Идеализация советского прошлого, ассоциирующаяся для представителей разных поколений с фигурами И. Сталина или Л. Брежнева, стала своеобразным ответом массового сознания на разочарования 90-х¹.

Отрывочное, хаотичное восприятие не только российской истории вообще, но и совсем недавнего (советского и постсоветского) прошлого особенно характерно для молодого поколения, социализация которого пришлась на 90-е годы, когда в курсе школьной истории появилось бесчисленное количе-

---

¹ Наиболее показательным примером могут служить результаты конкурса, проведенного в 2008 г. Институтом истории РАН и телеканалом «Россия», в ходе которого в интернет-голосовании И.В. Сталин периодически занимал первое место и лишь усилиями организаторов к подведению окончательных итогов переместился на третье.

ство учебников, противоположным образом излагающих и оценивающих те или иные исторические события и явления, а многие школьные учителя истории сами не знали, что следует говорить об истории России XX в., поэтому на всякий случай не говорили ничего.

В процессе всей истории развития человеческого сообщества кризисные периоды рождали потребность в идентификации с вождем или героем прошлого в качестве одного из главных условий самоидентификации личности. Не только давно умерший, но и живой герой постепенно теряет в массовом сознании свойства живого человека и приобретает символические характеристики. Для понимания этих характеристик достаточно сравнить содержание мифологизированных биографий современных политических лидеров, претендующих на роль вождей разного уровня, в которых конкретные события личной жизни приобретают одинаковый символический смысл. Анализируя эти сочинения и сопоставляя основные элементы биографий, можно увидеть степень мифологизации образа того или иного политического лидера.

Исследования показывают, что начиная с 2000 г. в массовом сознании происходило становление образа единственного героя – Президента РФ В.В. Путина, который воспринимался этим сознанием в большей степени в качестве символической фигуры (символ новой национально-государственной идентичности), чем реальной личности.

Враг так же индивидуализируется, его действия в истории нации приобретают символический смысл, так как через него в наш мир приходит все враждебное и злое. Враждебные силы носят человеческий облик, однако это лишь маска, скрывающая оборотня (отсюда популярный в политической мифологии образ вражеского агента, агента влияния и т.д.). Тайными кознями врагов можно объяснить и оправдать любые просчеты и неудачи, несоответствие результатов поставленным целям и т.д. А. Клибанов определяет это явление как «стремление решать сложные вопросы, редуцируя и упрощая их до плоской древней идеи, что в любой проблеме есть злобный виновник, который является ничем иным, как персонификацией мирового зла» [6. С. 85]. Так, например, в массовом сознании закрепилось представление о мистическом влиянии на историческое развитие России таких фигур, как Григорий Распутин или Лаврентий Берия. При этом интерес к этим фигурам особенно обостряется в период социокультурных кризисов. Косвенным подтверждением такого интереса можно считать периодическое появление на телеэкране передач, посвященных новому исследованию обстоятельств, связанных с жизнью указанных персонажей.

Таинственные силы зла – причина всего плохого и неприятного и в нашей сегодняшней действительности. В зависимости от того, как идентифицировала себя данная культурная или политическая общность, на роль врага в последние годы предлагались и привычные евреи в мифологизированном варианте «жидо-масоны», и окопавшиеся в новых демократических структурах коммунисты или «продавшиеся Западу» демократы, пресловутые «агенты влияния», и тоже «агенты», но уже международного исламского терроризма, а также конкретные личности, наделяемые особым, тайным влиянием на носителей власти. В последние годы в средствах массовой информации можно было встретить несколько фигур, наделяемых свойством таинственного

влияния на российские социальные и политические процессы. На их фоне в начале 2000-х выделяется образ Б. Березовского, прячущегося в Лондоне и оттуда «плетущего нити заговоров» против России. Не случайно Б. Березовский всегда появлялся именно там, где совершаются события, воспринимаемые массовым сознанием как антироссийские. Можно вспомнить его странное посещение Грузии под вымышленным именем или не до конца подтвержденное намерение переехать в Киев.

Описанный механизм очень успешно используется в известной программе А. Караулова «Момент истины», построенной, как правило, по принципу разоблачения «тайных» заговоров против российского общества. (Не берясь оценивать, в какой степени содержание программ соответствует реальности, мы анализируем в данном примере лишь форму подачи информации телезрителю).

Интересно проанализировать трансформацию, произошедшую в последние пятнадцать лет с образом Запада. В советский период российской истории Запад однозначно воспринимался массовым сознанием как отрицательный символ, противопоставляемый советскому пространству по принципу «мы» – «они». Такое восприятие не противоречило российской культурно-исторической традиции, в рамках которой национально-государственная самоидентификация российского государства в течение длительного периода времени строилась на противопоставлении образу Запада. В зависимости от конкретных политических интересов государства этот образ ассоциировался с представителями различных национальных общностей, таких как шведы, поляки, французы, немцы. На последнем этапе место конкретного врага прочно заняли Соединенные Штаты.

С началом горбачевской перестройки в массовом сознании начинает активно формироваться противоположный образ Запада, ассоциирующийся с центральной ценностью периода реформ – ценностью демократии. История России начинает восприниматься как своеобразный волнообразный процесс сближения-отступления, при котором отступление от «западных» ценностей символизирует остановку в развитии, отход от «правильной» линии движения исторического процесса.

С начала 2000-х гг. можно отметить возвращение к привычному образу Запада, символизирующему если не мировое зло, то, по крайней мере, определенную опасность для национальной самоидентификации. Пример – оценка массовым сознанием военных действий США и ряда стран Западной Европы в Ираке или Ливии, в рамках которой такие неоднозначные политические лидеры, как Саддам Хусейн или Муамар Каддафи, получают поддержку значительной части россиян в качестве символа, противостоящего обобщенному Западу.

Если образ героя ассоциируется с понятием «чудо», то образу врага соответствует в политической мифологии понятие «заговор». При этом как бы подразумевается, что в основе и того и другого стоят некие сверхъестественные силы добра или зла, а конкретная личность – лишь представитель (пророк или тайный агент) этих безличных сил. В качестве примера можно привести поиски рядом политических аналитиков и политических журналистов связи между назначением в сентябре 2011 г. Майкла Макфола (считающегося

специалистом по «цветным революциям») послом США в России и декабрьскими выступлениями «рассерженных горожан» в Москве.

Процесс самоидентификации сообщества приобретает законченную форму после формирования особой системы символов и ритуалов, с помощью которых происходит самоидентификация культурных, социальных или политических общностей, символизация сознания и ритуализация поведения, достигается эмоционально-психологическое слияние личности с группой. Роль символов и ритуалов в процессе идентификации национальных и культурных общностей подробно исследована в психологической науке, начиная с работ Г. Лебона и З. Фрейда [7, 8]. Они служат одновременно основой для формирования и способом существования и усиления устойчивых культурных и исторических мифов, характерных как для отдельной общности, так и для общества в целом. Известный представитель психоаналитического направления в психологии Э. Эриксон, исследуя молодежные субкультуры, подчеркивал значение особых ритуалов, символов, норм поведения, одновременно поддерживающих целостность группы и отделяющих ее от других [9].

Толпа, скандирующая очередной политический лозунг, необходима не только для оправдания акций политической власти или для воздействия на нее со стороны оппозиции. Толпа эта представляет ценность (по крайней мере, на символическом уровне) сама по себе как главное условие, при котором за счет действия психологических механизмов массового внушения, подражания и эмоционального заражения личность окончательно теряет свои индивидуальные свойства и сливается с общностью, с «нами». «Основной характерной чертой толп является слияние индивидов в единые разум и чувство, которые затушевывают личностные различия и снижают интеллектуальные способности, – заключает С. Московичи, анализируя работы Г. Лебона. – Каждый стремится походить на ближнего, с которым он общается. Это скопление своей массой увлекает его за собой, как морской прилив уносит гальку. При этом все равно, каков бы ни был социальный класс, образование и культура участвующих» [10. С. 108]. Ритуал помогает его участникам освободиться от страха как перед мистическим врагом, так и перед неизведанным, не поддающимся восприятию будущим.

Повсеместное строительство многочисленных памятников-идолов является столь же необходимым элементом воздействия на историческую память поколений, как и последующее их торжественное разрушение. Из глубин архаических форм социокультурной и политической идентичности происходит и господство «магии имени», эта не до конца осознанная вера в то, что изменение названия города, района или улицы (так называемое возвращение исторических названий) сможет изменить к лучшему и жизнь их обитателей. Разрушение символов прошлого создает иллюзию «управления временем», являющегося в мифологическом сознании одним из признаков власти. Новая политическая власть символически уничтожает старую, новый политический миф уничтожает материальных носителей старой мифологии [11]. Появление все новых предложений по переименованию улиц и районов Москвы, исходящих от самых различных общественных и политических акторов (последний пример: выступление министра культуры В. Мединского, поддержанное рядом представителей православной церкви), свидетельствует, прежде всего,

о неразрешенной до сего дня проблеме отношения к собственной истории и отсутствию согласия по поводу ответа на вопрос «Откуда мы?».

В содержательном плане роль исторической памяти в процессе поисков идентичности в современной России может быть представлена в виде нескольких направлений. На соотношение этих направлений в массовом сознании влияют как историко-культурный характер социальной среды, так и степень внедрения в массовое сознание исторических образов и представлений.

Одно из них связано с потерей личностью собственной идентичности, что мотивирует поиск новых форм и способов идентификации с культурной и социальной средой. При этом на начальном этапе кризиса на первый план выходят наиболее очевидные этнические или этноконфессиональные характеристики, по которым и происходит самоидентификация. Позже она дополняется самоидентификацией региональной, где регион выступает в качестве особым образом идентифицированного субъекта, мистического единства общности с территорией, своеобразного аналога русской общины-мира. В отсутствие у значительной части граждан (прежде всего представителей молодого поколения) целостного представления о российской истории каждая из этих общностей пишет свою историю и поддерживает ее с помощью собственной системы символов и ритуалов. При этом символический смысл приобретают такие события, как празднования Дня города или юбилея региона, где его реальный возраст играет абсолютно второстепенную роль. «Древность» региона, его «укорененность» в истории вместе с «особой» ролью, сыгранной им в отдельные периоды в судьбе России, служат средством символического повышения статуса общности. «Выдающиеся земляки» играют роль героев складывающегося исторического мифа, позволяя сегодняшнему региональному лидеру претендовать на роль культурного и политического вождя [12].

Второе направление связано с тем, что историческая память, включающая в себя функцию познания и обоснования сегодняшней социальной реальности, может стать важным фактором политического развития в том случае, если с его помощью обосновываются существование определенной политической системы (режима) либо претензии определенной личности или группы на особую роль в системе политических отношений (в том числе претензии на власть). В этом случае он включает в себя элемент целенаправленного идеологического производства. И вполне закономерным представляется обращение к конкретным историческим сюжетам в программных документах политических партий и движений. Результатом такой деятельности стало одновременное существование в современной России нескольких различных, иногда противоположных в своих оценках реальных исторических событий национальных историй, имеющих собственную периодизацию, собственных героев и врагов, и, как следствие, собственный взгляд на закономерности исторического развития.

Исследование показывает, что совокупность исторических символов, служащих основанием для национальной самоидентификации, может быть представлена в виде пяти основных блоков:

1. Имперские символы, подчеркивающие значимость исторических периодов, событий и личностей, характеризующих Россию в качестве сильного государства, контролировавшего значительные территории.

2. Символы советской истории (иногда частично совпадающие с имперскими).

3. Символы, подчеркивающие значение русского этноса в истории России, обосновывающие тем самым претензии представителей этого этноса на доминирующее или привилегированное положение в современной России (при этом данные символы у разных групп респондентов подчеркивают как православные, так и языческие основания этноса).

4. Символы, подтверждающие исключительный характер российской (евразийской) цивилизации (включающие в том числе православный компонент), обосновывающие необходимость особого социального и политического развития России как в демократическом, так и в авторитарном направлении.

5. Символы региональной истории, подчеркивающие локальную идентификацию респондентов, особенно характерную для граждан национальных республик (в этом случае в данный блок может быть включен конфессиональный – исламский, буддистский, языческий – компонент).

Содержание указанных групп исторических символов становится результатом как стихийных массовых поисков, так и целенаправленного конструирования со стороны политических акторов, использующих их как для обоснования своих политических целей, так и для создания политических организаций и инициирования общественной политической активности.

В ситуации поиска российским обществом оснований для формирования национально-государственной идентичности особое значение приобретает третье направление, связанное с целенаправленной деятельностью по «возвращению» в массовое сознание, в сознание молодежи исторических образов и символов, позволяющих формировать представление о национальной истории как о целостном, неразрывном процессе, в котором современный человек может найти обоснование и оправдание собственному существованию и в качестве личности, и в качестве гражданина. В этом состоит основная цель государственной исторической политики. К сожалению, в современной России эта политика больше похожа не на системную и целенаправленную деятельность по формированию идентичности, а скорее на набор отдельных ответных шагов по отношению к заявлениям и действиям идеологических противников или конкурентов, таких как создание Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (май 2009 – февраль 2012).

Литература

1. *Следзевский И.* Архаический культурный текст как специфический мир пространства и времени // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996. С. 9–25.

2. *Зубкова Е., Куприянов А.* Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история // Национальные истории в советском и постсоветском государствах. М., 2003. С. 296–325.

3. *Образы власти: от Ельцина до Путина.* М., 2009.

4. *Элиаде М.* Космос и история. М., 1987.

5. Волкан В., Оболенский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политическим комментарием // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6. С. 76–142.
6. Клибанов А. Народная социальная утопия в России. М., 1977.
7. Лебон Г. Психология масс // *Психология народов и масс*. М., 1995.
8. Фрейд З. Коллективная психология и анализ Я // «Я» и «Оно». Труды разных лет. М., 1991. Кн. 1. С. 3–127.
9. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
10. Московичи С. Век толп. М., 1996.
11. Бочаров В. Власть и время в культуре общества // *Пространство и время в архаических и традиционных культурах*. М., 1996. С. 154–171.
12. Нечаев В.Д. Региональный миф в политической культуре современной России. М., 1999.